

ПИСЬМО ВАСИЛЬЯ ЛЬВОВИЧА ПУШКИНА КЪ Д. Н. БЛУДОВУ.

(Съ подлинника, изъ Музея П. И. Щукина).

Moscou, le 23 Mai 1812.

Je vous dois une lettre, mon cher Дмитрій Николаевичъ. Que dis-je? Une lettre! Je vous dois de la reconnaissance pour les services que vous m'avez rendus, pour l'amitié que vous m'avez témoignée. Je dois vous féliciter d'avoir mis fin à l'affaire la plus intéressante de votre vie, d'avoir surmonté tant d'obstacles et d'être enfin possesseur de celle que vous chérissez depuis si longtems. Puissiez vous tous les deux être aussi heureux que je le désire et que vous le méritez! Quoique je ne vous ai écrit que deux mots depuis que je suis à Moscou, je vous ai regretté bien souvent, et je songe avec délices au moment de notre réunion. Mais, hélas! j'ignore jusqu'à présent quand, où et comment nous pourrons nous revoir. Je crains bien que mon absence de Pétersbourg ne soit très longue, et j'espère plutôt que vous viendrez ici, comme vous vous le proposiez tant de fois.—Je voulais vous donner des détails sur nos littérateurs de Moscou, et je n'ai presque rien à dire.

Une certaine demoiselle Пучковъ vient de publier un petit recueil d'historiettes et de réflexions que je n'ai fait que feuilleter. Cet auteur-femme est une très grande admiratrice Шинкова, Шахматова, Глинки et compagnie. C'est déjà faire son éloge. Elle a à peine 20 ans, elle porte des bicycles, apparemment pour paraître plus jolie, car elle est très laide. On l'a dit spirituelle; je n'en sais rien: je ne lui ai jamais parlé et je ne l'ai vue que deux ou trois fois au Lycée de Мерзляковъ. J'a remarqué que votre Fréron Коченовскій a une envie démesurée d'écrire l'histoire; de là sa haine contre notre respectable historiographe, М-г Кутузовъ fait toujours des vers détestables, avec une facilité prodigieuse. М-г Сандуновъ est le diseur de bons mots par excellence, et je ne serai pas étonné de voir paraître incessamment une sandounoviana qu'on pourra mettre à côté de toutes les saloperies de la halle. М-г Вельяшевъ fait des petites fables de quatre pages, où il n'y a pas le sens commun, et м-г Шартовъ parodie le Psalmiste. Le prince

Boris Голицынъ a renoncé aux dystiques; il fait des commentaires français sur les oeuvres de Карамзинъ. Воейковъ est arrivé à Moscou. Il va faire imprimer deux volumes de poésies; ils serviront de supplément à celles que Жуковский a publiées. Жуковский a commencé un poème dont il a déjà trois cent vers de faits. Il a créé une ballade dans le genre de Людмила, mais qu'il ne nous a pas encore envoyée. Votre aimable poète est toujours à la campagne. Il est en correspondance avec Pletchéeff. Ils ont fait deux épîtres en vers, l'un en français, et l'autre en russe, qu'ils se sont adressées mutuellement. Quoiqu'il soit aisé de voir que celle de Жуковский a été faite à la hâte, son talent y perce toujours. L'épître française de Pletchéeff est rempli de fautes de langage, de rimes défectueuses; mais on y trouve aussi quelques bons vers et le cachet d'un homme d'esprit. J'ai ouï dire que Милоновъ a fait une satire toute entière sur mon compte, et je l'en remercie. Les vers du nouveau Cantemir ne mourront sans doute jamais, et me voilà devenu immortel sans m'en douter. Le cher ami Дашковъ aurait bien voulu que je réponde aux invectives de Милоновъ (l'inclément Clément), mais je n'en ferai rien. Que me font les piqures des moucheronс du Parnasse? D'ailleurs, je n'ai aucun tort à son égard que celui de lui avoir témoigné de l'amitié et de la politesse; cela me console des toutes ses satyres présentes et à venir.

Adieu, mon cher et très cher Дмитрій Николаевичъ. Aimez-moi, parce que je vous suis réellement attaché, et d'autant plus que je vous connais davantage. Ne m'oubliez pas auprès de l'estimable Михаилъ Александровичъ et presentez mes respects à votre aimable compagne.

B. Pouschin.

NB. Mille choses à Tourguéneff, Dachkoff, Tcherbinin, Batuckhoff.

Переводъ.

Мой дорогой Дмитрій Николаевичъ! Я долженъ вамъ написать письмо. Чтò говорю я: написать письмо? Я долженъ вамъ быть призвателенъ за тѣ услуги, которыя вы мнѣ оказали, за дружбу, которую вы мнѣ засвидѣтельствовали. Я долженъ васъ поздравить съ окончаніемъ самаго интереснаго дѣла въ вашей жизни, съ тѣмъ, что вы преодолѣли всѣ препятствія и наконецъ обладаете тою, которую вы уже такъ давно любите¹⁾. Будьте оба

¹⁾ Д. Н. Блудовъ (позднѣе графъ) весною 1812 года женился на княжнѣ Аннѣ Андревнѣ Щербатовой, которую узналъ и полюбилъ еще во время коронаціи Александра Павловича; но мать княжны, Антонина Войновна (ур. Яворская), гордая своею знатностью, не хотѣла слышать объ этомъ бракѣ. Старшая графиня Каменской (матери главнокомандующаго) замѣнившей для

настолько счастливы, какъ я этого желаю и какъ вы того заслуживаете. Хотя, прїѣхавъ въ Москву, я не писалъ вамъ больше двухъ строкъ, я очень часто грущу о васъ и съ наслажденіемъ думаю о томъ времени, когда мы были вмѣстѣ. Но увы! до сихъ поръ я не знаю, когда, гдѣ и какимъ образомъ мы будемъ имѣть возможность свидѣться; я весьма боюсь, что мое отсутствіе изъ Петербурга очень затянется; скорѣе надѣюсь, что вы прїѣдете сюда, какъ вы это предполагали столько разъ. Я хотѣлъ бы сообщить вамъ нѣкоторыя подробности о нашихъ Московскихъ литераторахъ, но мнѣ почти нечего рассказывать.

Извѣстная дѣвица Пучкова только что выпустила въ свѣтъ небольшой сборникъ рассказцевъ и размышлений; я его лишь перелистовалъ²⁾. Сей авторъ женскаго-пола-величайшая почитательница Шишкова, Шахматова, Глинки³⁾ и компаніи. Это ей хвала. Ей не полныхъ 20 лѣтъ, она носитъ очки (двукружіе), повидимому, чтобы казаться болѣе красивою, такъ какъ она очень безобразна. Говорятъ, что она умна; объ этомъ ничего не знаю: я никогда съ ней не бесѣдовалъ и видѣлъ ее два или три раза въ Лицѣ

Блудова покойную мать его, съ которой она находилась въ тѣсной дружбѣ, и быстрое служебное возвышеніе молодого человѣка сломили долготѣнее упорство княгини Щербатовой. Въ это время Блудовъ уже былъ совѣтникомъ посольства въ Стогольмѣ и выдавался среди своихъ сослуживцевъ.

²⁾ Первые опыты въ прозѣ. Катерины Пучковой, въ Москвѣ у С. Селивановскаго. 1812. Съ эпиграфомъ „Миръ судить въ насъ дѣла и подвигъ лишь единой, знатокъ ихъ мѣряетъ со способомъ и силой. Бунина“. Въ обращеніи своемъ къ читателямъ писательница проситъ ихъ быть благосклонными, оправдываясь тѣмъ, что она и не руководствовалась ничими наставленіями и едва имѣетъ двадцать лѣтъ отъ роду⁴⁾. Книжка составлена изъ рассказцевъ въ родѣ „Милосердіе или наказанная жадность къ богатству“ и разсужденій и діалоговъ о женщинахъ, о чтеніи, о томъ, нужны ли женщинамъ науки и познанія. Въ „письмѣ къ пріятельницѣ о словесности Русской“ Пучкова негодуетъ на то, что „мы до сихъ поръ читаемъ, учимся на языкѣ иноземномъ и до сихъ поръ иностранцы образуютъ Русское юношество“. Должность наставниковъ „должны занимать воспитанники Академіи Наукъ и Университета, а надзирательницами могутъ быть недостаточныя дѣвочки, воспитывающіяся подъ милосерднымъ покровительствомъ вдовствующей Императрицы“; для того же, чтобы „процвѣла словесность Русская, должно желать, чтобы женщины полюбили Русское слово“, и Пучкова прославляетъ Бунину. Екатерина Наумовна Пучкова (р. 1792 † 1867) кромѣ книжки своей напечатала нѣсколько стихотвореній въ журналахъ (между прочимъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“), но съ 20-хъ годовъ перестала заниматься литературой. На нее направлены злыя эпиграммы Пушкина въ 1816 году.

³⁾ Александръ Семеновичъ Шишковъ слишкомъ извѣстенъ. Князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ; другъ и единомышленникъ Шишкова, прозванный „Шихматовымъ безглагольнымъ“ за то, что въ его стихотвореніяхъ не встрѣчалось глагольныхъ рѣмъ, только что выпустилъ передъ тѣмъ книжку „Ночь на Гробахъ“ подражаніе Юнгу (С.-Петербургъ). Глинка, вѣроятно Сергѣй Николаевичъ, основатель „Русскаго Вѣстника“.

Мерзлякова. Я замѣтилъ, что вашъ Флеронъ, Каченовскій ⁴⁾, имѣетъ чрезмѣрное желаніе писать исторію, отсюда его ненависть къ нашему почтенному исторіографу. Кутузовъ ⁵⁾ все пишетъ отвратительныя стихотворенія съ легкостью изумительною. Сандуновъ ⁶⁾—составитель остроловій по преимуществу, и я не удивлюсь, если въ скоромъ времени появится Сандуновіана, которую можно будетъ сопоставить съ отборнѣйшими произведеніями рынка. Вельяшевъ ⁷⁾ сочиняетъ басенки въ четыре страницы, а Шатровъ пародируетъ Псаломѣвца. Князь Борисъ Голицынъ ⁸⁾ отказался отъ двустипій и пишетъ Французскій комментарий къ сочиненіямъ Карамзина. Воейковъ прѣхалъ въ Москву. Онъ будетъ печатать два тома стихотвореній, которые послужатъ доподніемъ къ тому, что издано Жуковскимъ. Жуковский началъ поэмѣ и уже написалъ триста стиховъ; онъ сочинилъ балладу въ родѣ *Людмила*, но намъ еще ея не присылалъ. Вашъ любезный поэтъ до сихъ поръ въ деревнѣ; онъ состоитъ въ перепискѣ съ Плещеевымъ ⁹⁾, они писали другъ къ другу посланія въ стихахъ одинъ по французски, другой по русски. Хотя и ясно, что Жуковский писалъ свое посланіе на слѣхъ, его талантъ отовсюду проглядываетъ. Французское посланіе Плещеева полно

⁴⁾ И Пушкинъ, и князь П. А. Вяземскій, и Баратынскій изощряли на Каченовскомъ свое остроуміе и наперерывъ наносили ему удары, такъ какъ несомнѣнно это былъ сильный противникъ. Флеронъ—Французскій критикъ XVIII в., извѣстный своими нападками на Вольтера, который написалъ на него слѣдующую эпиграмму:

L'autre jour, au fond de vallon,
Un serpent mordit Jean Fréron.
Que pensez-vous qu'il arriva?
Ce fut le serpent qui créva.

⁵⁾ Кутузовъ Павелъ Ивановичъ тогдашній кураторъ Московскаго Университета, перевелъ Пиндара, писалъ оды и пр. Онъ изображенъ у Воейкова въ „Сумашедшемъ домѣ“ грызущимъ бюстъ Карамзина.

Но напрасно мраморъ гложеть.
Только время тратить онъ:
Онъ вредять ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.

⁶⁾ Сандуновъ вѣроятно Сила Николаевичъ (1761—1813), извѣстный актеръ, братъ профессора Университета.

⁷⁾ Вельяшевъ-Волынцевъ Дмитрій Ивановичъ († 1818) артиллеріи полковникъ, составитель и переводчикъ драмъ, комедій, оперъ, повѣстей, издатель журнала „Талія“ (Москва 1810—1811).

⁸⁾ Голицынъ князь Борисъ Владимировичъ (1769—1813), генераль, умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Бородинымъ; онъ писалъ лишь по французски. О его комментаріяхъ къ Карамзину намъ ничего неизвѣстно.

⁹⁾ Плещеевъ Александръ Алексѣевичъ (ум. 1832) перелагалъ стихи Державина и Жуковскаго на музыку; необычайно искусный чтець, по Арза-

ошибками противъ изыба, хромыми рифмами, но въ немъ находится нѣсколько хорошихъ строкъ и обаяніе умнаго человѣка. Я слышалъ, что Милоновъ написалъ на меня цѣлую сатиру. Я ему за нее благодаренъ. Стихи новаго Кантемира конечно никогда не умрутъ, и вотъ я, нисколько о томъ не заботясь, сдѣлаюсь бессмертнымъ. Дорогой другъ Дашковъ очень бы желалъ, чтобы я отвѣчалъ на нападки (злостныя) Милонова (немилосерднаго Клементія*), но я этого не сдѣлаю. Чтò значать для меня уколы Парнасскихъ мошекъ? Впрочемъ я по отношенію къ нему виноватъ лишь тѣмъ, что оказывалъ ему дружбу и вѣжливость; это меня утѣшаетъ противъ всѣхъ его настоящихъ и будущихъ сатиръ¹⁰⁾.

Прощайте, мой дорогой, очень дорогой, Дмитрій Николаевичъ. Любите меня, такъ какъ я дѣйствительно къ вамъ привязанъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе я васъ знаю. Не забывайте меня вмѣстѣ съ уважаемымъ Михаиломъ Александровичемъ¹¹⁾ и передайте мое почтеніе вашей милой супругѣ.

В. Пушкинъ.

НВ. Всего хорошаго Тургеневу, Дашкову, Щербинину, Батюшкову.

мазекому прозвищу *Черный Вранъ*, онъ былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой и устраивалъ для нея въ своемъ Орловскомъ имѣннѣ „Чернь“ пышныя празднества. Одно изъ такихъ торжествъ описано г-жею Толычевой въ „Русскомъ Архивѣ“ 1877 г. II, 561.

*) Непереводимая игра словъ: Клементій значить „кроткій“, „милосердный“.

¹⁰⁾ Милоновъ Михаилъ Васильевичъ, род. 1792 г., воспитанникъ Московскаго благороднаго пансіона, ум. 1821 г. Его стихотворенія изданы отдѣльной книжкой въ Петербургѣ 1819 года. Онъ осмѣялъ В. Л. Пушкина въ сатирѣ „Къ моему разсудку“ (стр. 46) подъ именемъ *Вздоркина*. Вотъ то мѣсто, въ которомъ все узнали В. Л. Пушкина, такъ какъ послѣдній стихъ есть выдержка изъ его перевода одной оды Горачія.

Я Вздоркину это разъ стыдъ тяжкій предрекалъ,
 Когда онъ въ свѣтъ свои посланья издавалъ;
 А Вздоркинъ, чтò не день, то басня или ода,
 А Вздоркинъ, новаго произведа урода,
 Скропавши два стиха, надулся и кричитъ:
 О радости! О восторги! И я, и я Пинтъ!

Его же затрогиваетъ Милоновъ въ сатирѣ „На женитьбу въ большомъ свѣтѣ“ (стр. 154).

А Вздоркинъ, Вздоркинъ самъ, отъ басенъ безъ ума,
 Ихъ будетъ такъ читать, какъ читывалъ Тальма!

По увѣренію А. С. Пушкина, дядя его добродушно жаловался на сатирика: „А вѣдь сколько разъ бывалъ у меня, чай пилъ“.

¹¹⁾ Салтыковымъ, позднѣе тестемъ барона А. А. Дельвига.